

УДК 94(97)

TRANSLATIO IMPERII В ТРУДАХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

А.В. Бирюков (кафедра всеобщей истории)

Гибель имперских политических институтов в условиях варварского завоевания в Европе, тем не менее, не означала забвения «идеи Рима». В начале средних веков римская имперская традиция была воспринята как на западе, так и на востоке бывшей империи, и хотя римский мир распался, «универсалистская идея римской государственности продолжала жить в общественном сознании эпохи» [1, с. 6].

События 476 г. в ту эпоху не воспринимались так однозначно. Как отмечал Дж.Б. Бьюри, 476 год – это знаковая дата падения Западной Римской империи, однако «эта фраза неточна и неудачна, и представляет произошедшие изменения в ложном свете. Никакая Империя не пала в 476 г.; не было никакой «Западной Империи», которая могла бы пасть. Была только одна Римская империя, которой иногда управляли двое или более Августов...», поэтому государственное единство Востока и Запада после 476 г. нигде не ставилось под сомнение [2].

К началу средневековья Рим из реальной столицы мира превращается в идеологическую абстракцию, символ великой государственности. Эта концепция абстрактного Рима отделилась от исторического Рима и затем была перенесена на столицы других держав. Так родилась теория «переноса империи» (*translatio imperii*) – восприятия престижа императорского Рима. Позднеримские и раннесредневековые авторы утверждали, что в мире всегда должна существовать некая константа политической жизни, которая называется Империей [3, с. 6, 25].

Главным центром, претендовавшим на возрождение империи как политической реальности, была Византия. Когда Одоакр в 476 г. отослал императорские инсигнии в Константинополь, этот акт современники восприняли как восстановление единства империи: восточный август Зенон формально становился общим императором для всего бывшего «римского мира». Конституционное положение Одоакра и Теодориха Остготского по отношению к подвластным им римским жителям нуждалось в узаконивающем акте восточного, а теперь – единственного императора. Величайшее формальное значение в «восстановлении» юрисдикции императоров в утраченных провинциях Запада имел захват в VI в. при императоре Юстиниане I Италии и особенно города Рима.

В этой связи интересно мнение немецкого историка Ш. Краучика о том, кем и когда стала пропагандироваться идея 476 г. как конца Римской империи на Западе. Он считал, что данная мысль впервые прозвучала у автора юстиниановской эпохи – Марцеллина Комита в его «Хронике», положения которой относительно «гибели» Римской империи в 476 г. процитировали впоследствии – также в угоду Юстиниану – Кассиодор в «Готской истории» и Иордан в «Гетике» [2]. В «выпячивании» 476 г., т. е. в раздувании значения произошедшего тогда в Италии события, Ш. Краучик видит центральный пункт юстиниановской пропаганды отвоевания земель. Именно поэтому ученый называет Юстиниана «первым, кто назвал 476 год границей эпох», и, соответственно, «главным идеологом римской идеи» [2].

В дальнейшем происходила постоянная утрата обретенных в середине VI в. земель и вытеснение византийцев в «свою» империю, но долгое время сохранялись рудименты символического значения Византии как единственной законной «Римской» империи; даже Карл Великий формально заручился одобрением византийского императора на коронацию в Риме в 800 г., что выглядело так, будто Византия приветствует возрождение «Римской» империи на Западе.

Конкурентным центром хранения и попыток реанимации римской имперской традиции был сам город Рим. Римские консерваторы, эти «последние римляне», пытались сохранить античное наследие, дохристианскую культуру и прежний политический строй. Не имея возможности самим возродить Римское государство, представители римской знати делали попытки пробудить интерес к империи, к римским обычаям и праву у варварских королей Запада, особенно короля остготов Теодориха, завоевавшего Италию в 493 г.

Со временем идея единой державной, божественной императорской власти, чуждая традиционному германскому обществу, стала моделью подражания для королей. Использование римской потестарной символики имело характер идеологической борьбы за правопреемство императорской власти на территории Западной Римской импе-

рии, что впоследствии оказалось одним из факторов многочисленных варварских «возрождений» (остготского, вестготского, каролингского, оттоновского) [4, с. 65].

Главным борцом за «римское дело» в условиях политического господства остготов в Италии и главным идеологом готско-римского союза был Флавий Магн Аврелий Кассиодор (490–585). Все его многочисленные произведения проникнуты идеей непреходящего величия и вечности Рима [5, с. 245, 248]. Его стараниями главным политическим лозунгом остготских королей стала преемственность с Римской империей: готское завоевание якобы лишь сменило императора на короля [4, с. 48; 5, с. 129]. Под влиянием Кассиодора Теодорих провозгласил себя восстановителем и защитником римских обычаев и опирался на традиции «непобедимого Рима». Считая себя законным преемником римской государственности, Теодорих, как некогда сенат и императоры, покровительствовал другим варварским королям (вестготским, алеманнским), принимал их послов, примирял их распри. Равеннский двор Теодориха пытался соперничать в роскоши с византийским [1, с. 6–7].

Кассиодор многое сделал для того, чтобы показать древность остготской династии Амалов и исконную связь готов с Римом и империей. Так, он создал «Хронику» — краткое переложение всемирной и римской истории. Готское правление рассматривается автором как начало нового блестящего этапа всемирной истории, который органично вытекал из героического прошлого Рима. Кассиодор включил готов в число «исторических народов», что в представлении многих поколений римских историков было привилегией исключительно греков и римлян [1, с. 10].

Тем не менее, такая проготская позиция Кассиодора разделялась далеко не всеми позднеримскими интеллектуалами. Ярче всего это прослеживается в трудах Аниция Северина Боэция (ок. 480–524/526). Он достаточно быстро разуверился в возможности восстановления римских порядков под властью варварского короля. Боэций, апологет языческого прошлого Рима, никогда не признавал варваров законными преемниками римской славы, как это сделал Кассиодор [1, с. 15]. Христианство для него было внешним атрибутом, а священными оставались лишь слава и величие Рима. Именно в этом Боэций, а также Симмах и некоторые другие авторы эпохи оставались «последними римлянами». Они могли принимать варварское государство лишь до тех пор, пока оно, по их представлению, развивалось в рамках римской государственности и культуры [1, с. 15].

Таким образом, гибель Западной Римской империи не воспринималась населением как окончание имперской государственности. Имперская идея выжила и развивалась как в западной, так и в восточной частях бывшей Римской империи и являлась предметом осмысления в творчестве интеллектуалов конца V–VI вв.

Литература

1. Уколова, В. И. Культура Остготской Италии / В. И. Уколова // Средние века. — Москва : Наука, 1983. — Вып. 46. — С. 5–26.
2. Краучик, Ш. Два аспекта 476 года / Ш. Краучик [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1284967968#tt005> — Дата доступа: 12.12.2015.
3. Каталано, П. «От Рима к Третьему Риму»: итоги и перспективы изучения проблемы / П. Каталано // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. — Москва : ИРИ, 1997. — С. 6–11.
4. Санников, С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века / С. В. Санников. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. — 212 с.
5. Шкаренков, П. П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха / П. П. Шкаренков. — Москва : РГГУ, 2004. — 270 с.